

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава шестнадцатая

Столяр-парашютист

Мало денег и никакой радости

В Запорожье мы вернулись в ноябре 45-го. К началу учебы я опоздал и с благословения родителей продолжил накопление жизненного опыта. Зимой ездил на правый берег, покупал папиросы по четыре рубля за пачку, продавал на рубль дорожку, двадцать копеек штука. Летом сначала пас одну корову, потом торговал хлебом.

В августе родители затеяли со мной примерно такой разговор.

— Вова, — сказал папа, — мы с мамой долго думали, как быть. Конечно, тебе надо учиться. Но у нас очень трудное положение. Мы зарабатываем очень мало, а у нас еще на руках Фаина.

— Хорошо, — сказал я уныло, — хорошо, я пойду себе какую-нибудь работу.

— Ни в коем случае, — сказала мама. — Ты должен учиться!

— Но как же мне учиться, если вы не можете меня прокормить?

— В том-то и дело, — улыбнулся папа. — Ты будешь учиться. Но не в школе, а в ремесленном училище.

В ремесленном? Признаться, мне и самому такая идея было не чужда. Я видел ребят, которые назывались ремесленниками, мне нравилась форма, которую они носили. Темно-синяя шинель, голубые петлицы с молоточком и разводным ключом...

— У них такая красивая форма, — сказала мама, будто уловив мою мысль.

— Ты будешь учиться, — добавил папа, — получишь хорошую специальность, которая, может быть, не станет твоим делом на всю жизнь, но всегда пригодится.

— Я бы на твоём месте выбрала столярное дело, — сказала мама. — Столяр — это чистая и интеллигентная работа. У нас в институте был завкафедрой, который в свободное время столярничал. Лучше быть хорошим столяром, чем плохим профессором.

Я с ней согласился, но, как показала жизнь, у меня было больше шансов стать неплохим профессором, чем хорошим столяром.

Осенью я поступил учиться на столяра-краснодеревщика. Два года учился. Мучился. В конце концов получил четвертый разряд, а потом дотянул и до пятого, но столярное дело не полюбил. Я человек хаотичный, а работа столяра требует аккуратности и педантизма. Чтобы сделать простую табуретку, надо сначала долго и тщательно точить инструмент. Тупым инструментом ничего сделать нельзя. Каждая ножка в сечении должна представлять собой строгий квадрат. В одной ножке сделаешь угол меньше или больше, и вся табуретка перекосится. Шип должен хорошо входить в продольное отверстие для него отверстие. Если входит слабо, вся конструкция расшатается, если туго — ножка расколется...

В 48-м я вышел из училища, получив профессию, которая да-

вала мало денег и никакой радости. Но я находился еще в таком возрасте, когда была надежда все поправить.

В два тридцать ночи у «Днепра»

В середине лета 1950 года мы с моим другом Толиком Божко (еще одним Толиком), проходя мимо какой-то школы, увидели, как во дворе, возле турника, толпилась группа наших сверстников, которыми руководил человек в коричневой кожаной тужурке и фуражке с крабом. На турнике висели парашютные стропы с лямками, ребята по очереди влезали в лямки и разворачивались вправо и влево.

— А вы чего хлебальники раззявили? — обратился к нам человек в кожанке, слегка шепелявя. — Прыгать с парашютом хотите?

Мы сказали: «Хотим». Он, приладив планшет к колену, записал наши фамилии и назвал сам:

— Михаил Михайлович Аполлонин, инструктор парашютного спорта. Понятно?

— Понятно, — сказал я.

— Не «понятно», а «так точно». Влезай в лямки!

Я влез. — Спускаться на парашюте, — сказал Аполлонин, — надо так, чтобы ветер дул в спину. Для этого надо в правую руку взять левую лямку, а в левую — правую. Какая рука сверху, в ту сторону ты и развернешься. Понятно?

— Понятно.

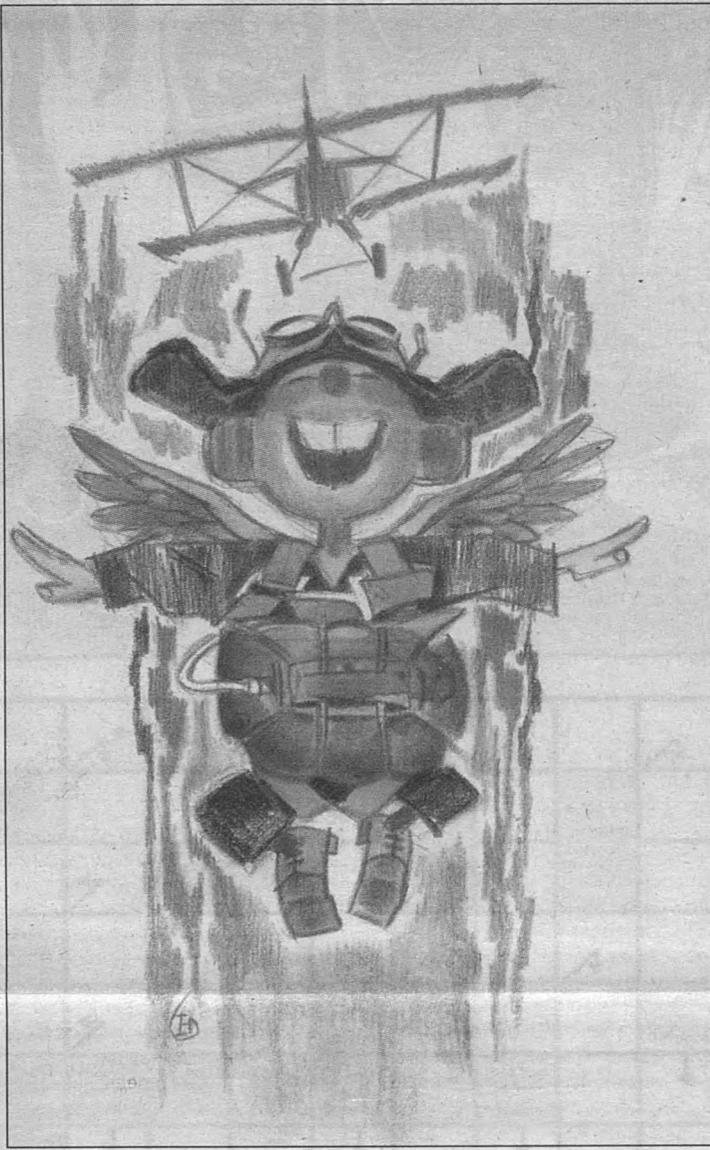
— Не «понятно», а «так точно». Когда те же упражнения проделал и Толик, инструктор сказал:

— Все! Завтра будем прыгать! Приходите ночью в два часа тридцать минут к ресторану «Днепр»...

Как это прыгать завтра? Разве не нужна еще какая-то теория, медкомиссия? Может, мы недостаточно здоровы. И почему ночью?.. Все это показалось мне странным. Тем не менее в полтретье ночи к ресторану «Днепр» мы пришли. Пришли и ребята, с которыми мы познакомились днем. Выяснилось, что они, в отличие от нас, не по своему желанию попали в парашютисты, а были направлены военкоматом. Кроме них, пришли к ресторану еще какие-то юноши, некоторые в брезентовых шлемах с очками. Оказалось, это курсанты: учатся кто на летчика, кто на планериста.

Подъехала машина-полупотрка со значком «ДОСААФ» на дверце. В кабине, кроме шофера, сидел майор со звездой Героя Советского Союза на груди. Аполлонин и еще несколько инструкторов сидели в кузове. Туда полезли и мы. Ночь была звездная, а дорога длинная. Один из инструкторов, бывший штурман бомбардировочной авиации, показывал нам звезды и объяснял, как по ним ориентироваться и определять время. Пока доехали до аэродрома, рассвело. На аэродроме стояли в ряд несколько самолетов По-2 и три планера А-2. Аполлонин выстроил нас на дорожке и отсчитал пятнадцать человек — тех, кто будет прыгать. Я оказался тринадцатым, а Толик в число отобранных не попал. Аполлонин подвел нас к деревянному сооружению, называемому трамплином, с площадками на высоте в метр, полтора и два. Внизу была яма с опилками.

— Так, — сказал Аполлонин, — когда будете прыгать, ноги надо держать полусогнутыми, не слишком напряженными, опускаться на всю ступню и падать на правый бок.

ГЕНАДИЙ НОВОНИЛОВ

Ощущение от прыжка было одно из самых радостных в жизни — и от свободного полета, и оттого, что я не побоялся, а ведь когда-то не мог заставить себя прыгнуть с двухметровой высоты в кучу песка. Но спуск мой проходил, к сожалению, быстрее, чем хотелось...

Сейчас посмотрим, как вы это будете делать. А ну пошли один за другим! Первый уровень можно пропустить... второй по желанию тоже... Давай сразу с третьего!

Все пошли один за другим, весело падая в опилки. После этого Аполлонин повел нас к самолету, на киле которого был нарисован парашютный значок, число 250 и чуть ниже надпись: «Летчик-инструктор 1-й категории». Каждый должен был занять место в кабине, по команде «Вылезай!» вылезти на крыло, по команде «Приготовиться!» приблизиться к краю крыла и по команде «Пошел!» прыгнуть. Когда мы все это выполнили, нас повели на летное поле, где были выложены в ряд 15 больших десантных парашютов ПД-47 и ждал нас «По-2» с работающим мотором. На другом, с парашютным значком на хвосте, подрулил Аполлонин.

«Я прыгнул сам!»

Первый полет был ознакомительный: взлет-круг-посадка. Я волновался, но смотреть вниз было не страшно. С балкона четырехэтажного дома смотреть страшнее. Мой отец, которому довелось однажды лететь на таком же самолете, говорил мне, что высоту в полете не ощущаешь, потому что нет отвесной линии. Он был прав. Пока я ана-

лизировал свои ощущения, самолет приземлился и подрулил к месту, где были разложены парашюты. Не успел я прыгнуть на землю, как на меня тут же надели две парашюта, помогли влезть на крыло и с крыла в кабину того самолета, где сидел Аполлонин. Взлетели, поднялись, повыше, чем в первый раз. Самолет летел, мотор ревел, я оглядывался на Аполлонина и улыбался, показывая, что мне не страшно. Аполлонин на это никак не отвечал, казалось, вообще не замечал меня. Но вот он сделал движение левой рукой, и наступила почти полная тишина. Мотор слегка тархтел на холостых оборотах.

— Вылезай! — крикнул Аполлонин.

Глубоко провалившийся в кабину и сдавленный двумя парашютами, я стал выбираться. Наверное, я это делал очень медленно и неуклюже, потому что Аполлонин стал что-то выкрикивать. За шумом ветра я не сразу разобрал, что он выкрикивает знакомую фразу: «...твою мать!» Я вылез на крыло и, хватаясь руками за края сначала своей, а потом его кабины, передвинулся к кромке крыла. Я ждал, когда он мне скажет «Приготовиться!» и «Пошел!», а слышал только «...твою мать!» Я подумал, что, может быть, что-то не в порядке, посмотрел на Аполлонина, гла-

зами спрашивая, в чем дело, а он мне кричал все то же — про мать. Я ничего не понял, но прыгнул.

Не могу сказать, что мне было так уж страшно. И секунды до момента открытия купола не показались вечностью. Я посмотрел на купол: он парил надо мной большой, квадратный, надежный (вот где подошла бы немецкая реклама шоколада: «Практиш, квадратш, гут»). Ощущение было одно из самых радостных в жизни — и от свободного полета, и от того, что я не побоялся, а ведь когда-то не мог заставить себя прыгнуть с двухметровой высоты в кучу песка. Но спуск проходил, к сожалению, быстрее, чем хотелось. Я, как меня научили, развернулся спиной к ветру, ноги слегка согнул и сложил вместе, тут же коснулся земли и повалился на правый бок, хотя мог и устоять. Пока отстегнул лямки и кое-как сложил парашют, подъехала машина.

Когда приземлился последний парашютист, нас отвезли на летное поле и приказали построиться. Из одной из аэродромных построек высочил Аполлонин.

— Сейчас все будут мыть самолеты, а ты, ты, ты и ты, — я был последним, в кого он ткнул пальцем, — марш домой пешком!

— В чем дело?

— В том дело, что трусы вы все!

По его словам, те трое и я тоже будто бы вцепились в кабину и не решались прыгать, и ему пришлось нас скидывать, завалив самолет на крыло. Я не знал, было ли это так с теми тремя, но про себя я точно знал, что прыгнул сам. Но он был уверен в обратном. Праздничное настроение сменилось отчаянием. Меня потом в жизни много раз оскорбляли облыжными обвинениями, но ни одно не казалось мне таким обидным.

— Нет, — сказал я Аполлонину. — Я не держался за кабину, я прыгнул сам. Я задержался на крыле, потому что вас не понял.

— Ладно, — махал он рукой, — много видел я таких непонятливых.

— Ну, разрешите мне еще раз прыгнуть, и вы увидите.

— Не разрешу. У меня прыгают смелые люди, а не такие. Иди домой к маме.

— Михаил Михайлович, я от вас не отстану, пока вы мне не дадите возможность доказать, что могу прыгать не хуже других...

Аполлонин был неумолим.

После этого я его долго ловил его в аэроклабе, по дороге на аэродром и при возвращении обратно. Он бегал от меня, как алиментщик от покинутой жены. В конце концов я довел его до того, что он решил откупиться. Будучи пойман мной на пороге аэроклаба, он сказал, что у него есть для меня сюрприз. Вынул из планшета и протянул мне красочное свидетельство с нарисованными на нем флагом, самолетом и парашютом, где было написано, что я совершил три парашютных прыжка.

— Ну вот, теперь ты доволен?

— Михаил Михайлович, — сказал я, суя ему эту бумагу обратно, — мне не нужна ваша липовая справка. Мне нужно прыгать. Хотя бы раз, и вы увидите.

— Ну, ты и настырный! — сказал он как будто и с досадой, и с каким-то уже уважением. — Ладно, приходи завтра к ресторану «Днепр»...

В то лето я совершил еще два прыжка, а следующий сезон весь провел на аэродроме: летал на планере и прыгал с парашютом.

Продолжение следует

Войнович

Войнович

17.06.05